

РОССИЙСКАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Д/мл. № 70

История в рукописях

и рукописи в истории

Сборник научных трудов
к 200-летию

Отдела рукописей

Российской
национальной
библиотеки

Российская национальная библиотека

История в рукописях и рукописи в истории

Сборник научных трудов к 200-летию Отдела рукописей
Российской национальной библиотеки

Санкт-Петербург
2006

Для Исаханова

№ 2006-1747/3

2184950

УДК 002
ББК 78.34(2)
И 90

Редакционная коллегия: В. Н. Зайцев (председатель), Б. В. Ананьич,
Е. В. Бархатова, А. И. Букреев, М. Ю. Любимова,
Т. А. Нижник, В. Р. Фирсов

Составитель и научный редактор: Г. П. Енин

Редактор: С. А. Давыдова

Сборник содержит исследования и публикации широкого круга памятников письменности, хранящихся в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Авторы сборника, продолжая сложившиеся за два столетия существования Отдела рукописей (1805–2005) научные традиции, обращаются к древнерусским, греческим, восточным, западноевропейским, южнославянским рукописям XI–XVII вв., архивным документам XVIII–XX вв. Здесь представлены различные научные направления, развивающиеся в настоящее время, — текстология, археография, палеография, кодикология; предлагаются новейшие технологии, широко используемые при подготовке к научному изданию памятников письменности.

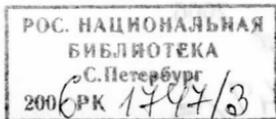
Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета РНБ

Подписано к печати 27.02.06. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,0. Уч. изд. л. 35,0. Тираж 400 экз. Заказ № 10.

Издательство «Российская национальная библиотека», ОП.
191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18.

ISBN 5-8192-0260-0

© Российская национальная библиотека, 2006 г.

Оглавление

Предисловие	5
П. П. Дубровский и его коллекция	
Васильева О. В., Ришар Ф. Петр Дубровский и восточные рукописи его коллекции	8
Елагина Н. А. «История любви Рене Анжуйского, короля Неаполя и Сицилии»: пастораль XV века из коллекции П. П. Дубровского . . .	26
Блескина О. Н. Петербургский «Бестиарий» Lat. Q.v.V. 1	48
Воронова Т. П. Часовник Марии Стюарт	95
История в рукописях	
Невзорова Н. Н. Первоначальный культ Бориса и Глеба: Паремийные чтения и Летописная повесть	101
Шibaев М. А. Софийская 1 летопись и «Московско-Софийский свод» . .	129
Енин Г. П. Кормление дворцовых слуг и царской семьи в XVII веке	146
Пережогина Е. А. Сергей Федорович Вындомский — «любитель сердечный старины»	165
Вольфцун Л. Б. В. Н. Бенешевич (1874—1938) — исследователь и хранитель греческих рукописей	186
Смирнова И. В. «Человек не должен жаловаться на времена...» (По страницам архива Санкт-Петербургской духовной академии) . .	214
Пронина М. В. Труд Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли»: от первоначального замысла к выходу в свет	236
Цыпкин Д. О. Современные компьютерные технологии в экспресс-анализе в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки	265
Рукописи в истории	
Гусейнова З. М. Певческие рукописи Российской национальной библиотеки в исследованиях XIX—XX веков	284
Вялова С. О. Крупнейшее собрание хорватских глаголических памятников Российской национальной библиотеки	299
Васильева О. В. Восточные рукописи собрания П. К. Фролова	318
Ястребова О. М. Автограф гератского проповедника 'Али ас-Сафи б. ал-Хусайн ал-Ва'из ал-Кашифи в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки	327
Николаев А. Н. Греческая рукопись «Список египетских царей» из собрания Российской национальной библиотеки	340
Медведев П. А. Из Сармисахлы в Петербург (из истории Пурпурного Евангелия)	347

Алексеев А. И. Древнейшая кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря	363
Крушельницкая Е. В. Келейный сборник новгородского митрополита Исидора Соловецкой библиотеки № 860/970: опыт изучения одной энциклопедической компиляции конца XVI века	379
Сиренов А. В. Описи древних гробниц в рукописных сборниках XVII века	399
Любимова М. Ю. Пушкинские материалы в Публичной библиотеке	415
Бучина Л. И. «Горестное повествование г. подполковницы фон Витте» (к истории происхождения сюжета «Капитанской дочки»)	425
Крайнева Н. И., Шилов Л. А. «Сверхнормальная женщина...» (Фрагменты из дневников И. А. Боричевского об Анне Ахматовой) .	435
Список сокращений	444
Авторы сборника	447

«ЧЕЛОВЕК НЕ ДОЛЖЕН ЖАЛОВАТЬСЯ НА ВРЕМЕНА...» (по страницам архива Санкт-Петербургской духовной академии)

В последние 10–15 лет значительно вырос интерес к изучению архивных материалов, связанных с историей Русской Православной Церкви. Прежде всего это вызвано теми существенными сдвигами, которые произошли в подходах к изучению отечественной истории, попытках преодолеть устаревшие методологические и идеологические установки.

Активный поиск еще не известных фактов приводит исследователей к архивным материалам, хранящимся в спецхранах, или к необработанным фондам. Так в первой половине 90-х годов прошлого века особое внимание исследователей обратил на себя необработанный и нераскрытый по содержанию фонд 574 СПбДА. Представлялось, что в этом значительном по объему фонде могут находиться интересные материалы, касающиеся исторических событий последних двух столетий. Возникла острая необходимость сделать его доступным для исследователей.

Фонд 574 разделен на две части, которые при описании составят две описи. Одна из частей, опись 2, включает в себя курсовые и кандидатские сочинения студентов Академии, доступ к которым обеспечивает алфавитный каталог. Содержание другой части, состоящей из 60-ти коробок, не было известно, но провести быстро полную научную обработку столь большой по объему и очень разнообразной по составу части 574 фонда силами сотрудников Дома Плеханова, где он хранится, не представлялось возможным. Решено было разобрать эту часть и составить предварительную черновую опись — опись 1, раскрывающую ее содержание и позволяющую обслуживать читателей ее материалами. Необходимо отметить, что фонд 574, несмотря на свое название «Архив Санкт-Петербургской духовной академии», является лишь малой толикой огромного и богатейшего академического архива¹.

При работе с этой рассматриваемой частью 574 фонда стало очевидным, что в нее были включены материалы, которые при разборе поступивших в 1919 и 1924 гг. частей архива и собраний СПбДА не вписывались в составляемые фонды рукописей и личные фонды ректоров и профессоров Академии. Это были работы разных авторов, в том числе неустановленных лиц, отдельные письма и записки, копии различных официальных документов, отписки и вырезки статей из журналов «Христианское чтение» и «Церковный вестник», рукописные каталоги, конспекты студентов Академии и т. п. материалы.

В 1996 г. была составлена черновая опись 1 фонда 574, которая насчитывает 1098 ед. и дает возможность свободно использовать материалы. Кроме того, при продолжающейся до настоящего времени обработке фондов профессоров СПбДА эта предварительная опись позволяет дополнить их материалами, про-

пущенными при первичной обработке. Так было с архивами М. А. Голубева (ф. 1182), Ф. Г. Елеонского (ф. 1184), А. С. Родосского (ф. 1189), И. В. Чельцова (ф. 1192), обработанными в 1998—1999 гг.

Кроме разрозненных материалов в этой части фонда СПбДА есть несколько небольших по объему, но объединенных по содержанию комплексов. Во-первых, это комплекс материалов библиотеки Новгородской духовной семинарии, которые представляют интерес для изучения истории культуры, образования Новгородского края и истории самой семинарии, вписавшей яркую страницу в историю духовного просвещения в России.

Сохранились каталоги книг библиотеки Новгородской духовной семинарии по разделам: Богословие, Философия, Исторические науки, Языкознание, География, Природоведение и др., каталоги книг на древних и современных иностранных языках². Кроме того, имеются бумаги преподавателей семинарии, совмещавших свою работу с исполнением должности библиотекарей, М. А. Воскресенского за 1821—1827 гг., В. Троицкого за 1830—1833 гг., П. Ф. Солярского за 1834—1852 гг.³ Из этих и некоторых других дел Новгородской духовной семинарии можно узнать о комплектовании семинарской библиотеки, передаче книг в духовные училища, литературе, непосредственно используемой в учебном процессе, о том, что читали семинаристы и т. п.

Во-вторых, это дела непосредственно СПбДА. Сюда входят, в основном, материалы первой половины XIX в., касающиеся различных организационных и хозяйственных вопросов, и документы и каталоги библиотеки Академии⁴.

В-третьих, это материалы по истории СПбДА, составляющие отдельный, небольшой комплекс, включенный в ее фонд позднее основного массива документов, вероятнее всего в 1930—1931 г. К нему относятся подготовительные материалы для биографического словаря выпускников СПбДА, или как значится на одной из папок: «Материалы по истории Дух[овной] Акад[емии] и дух[овных] училищ, собр[анные] Н. В. Смирновым. Папка № 1»⁵. Составленные из них дела включают в себя скомплектованные по годам выпусков печатные и рукописные списки студентов Духовной академии, формулярные списки их службы после окончания Академии, наградные списки и списки их печатных трудов, печатные и рукописные некрологи, вырезки из газет, журналов и официальных изданий, заметки и выписки из различных источников, автобиографии выпускников, посланные Н. В. Смирнову в письмах в ответ на его запросы и т. п. Хронологически они являются продолжением вышедшего в 1907 г. «Биографического словаря студентов первых XXVIII курсов С.-Петербургской духовной академии, 1814—1869 гг.», подготовленного А. С. Родосским. Продолжить сбор материалов для следующего тома Словаря Родосский не успел — он скончался в 1907 г.

Но работа над Словарем продолжалась, о чем свидетельствует, например, объявление Совета СПбДА о праздновании в 1909 г. 100-летнего юбилея Академии. В нем выражалась просьба присылать лекции, письма, мемуары, касающиеся ее истории, далее следовало обращение: «Одновременно с этим Академия усерднейше просит всех бывших ее питомцев сообщить о себе краткий *curriculum vitae*⁶ с перечислением своих литературных трудов. Высылать можно в кан-

целярию Академии», подписано секретарем Совета Академии А. Высокоостровским⁷. В эту общую для всего коллектива Академии работу включился и Н. В. Смирнов, единственный, кто продолжил ее после 1917 г. и вплоть до 1930 г.

Николай Васильевич Смирнов (1885—1942), выпускник СПбДА 1910 г., бывший чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода, а затем столоначальник в канцелярии обер-прокурора, поступил на службу в ПБ в 1918 г.⁸ Сначала он работал в читальном зале на выдаче книг, каталогизировал книги подсобной библиотеки читального зала, в 1925 г. был переведен на должность библиотекаря Отдела фондов и обслуживания и проработал в этой должности до сентября 1941 г., когда добровольцем был зачислен в рабочий отряд и направлен на работы на станцию Пери, с 15 января 1942 г. исключен из списков Библиотеки ввиду смерти.

Н. В. Смирнов был одним из многих выпускников Духовной академии, связавших свою жизнь с ПБ⁹. Он пришел в Библиотеку в трудное время, когда человеку, связанному с духовным ведомством, найти работу было крайне трудно, и предложил свои услуги «в качестве опытного канцеляриста», знакомого с архивным делом, так как занимался разбором архива СПбДА. Первые годы своей работы в Библиотеке он полностью отдался библиотечной работе, но с начала 1920-х гг. его внимание вновь занимает поиск сведений для Словаря выпускников СПбДА. Сохранившиеся в 574 фонде материалы, анализ их содержания, датировка, свидетельства из других источников говорят о том, что собирались они именно в 20-е гг. прошлого века, и не одним Смирновым.

Документов, датируемых до 1917 г., крайне мало и относятся они ко времени службы Смирнова в канцелярии обер-прокурора Синода. Например, письмо ректора Волынской духовной семинарии архимандрита Аверкия (Кедрова) от 26 мая 1913 г., адресованное помощнику столоначальника канцелярии обер-прокурора Синода Н. В. Смирнову, в котором он сообщает о посылке сведений и копий формуляров, запрашиваемых Смирновым¹⁰. Письмо это носит отчасти личный характер и, возможно, было сохранено в личном архиве Смирнова, а затем вложено в папку с материалами о выпускниках СПбДА 1904 г., к которым относился Аверкий. В этом комплексе выявлено также еще одно написанное до 1917 г. письмо — протоиерея Константинопольской русской посольской церкви Н. В. Остроумова от 15 декабря 1915 г., который пишет: «Мой товарищ по Академии — пресвитер Собора Зимнего дворца протоиерей Алексей Михайлович Белавин — сообщил мне, что моя фамилия не попала в списки студентов, окончивших курс в 1891 г. ... Посему я покорнейше просил бы Вас, во имя справедливости, включить меня в эти списки» — далее он приводит свою биографию¹¹. Письмо адресовано его «превосходительству Константину Яковлевичу», человеку, что следует из контекста, непосредственно занятому сбором материалов о выпускниках СПбДА, но к Н. В. Смирнову оно, видимо, поступило позже. Об этом свидетельствует короткая приписка карандашом, сделанная не рукой Смирнова, о дальнейшей судьбе Остроумова после его возвращения из Константинополя в Петроград.

Летом 1924 г. завершилась перевозка архива СПбДА в Публичную библиотеку, и после первичного разбора часть изданий из него была «назначена к продаже в качестве макулатуры»¹². Н. В. Смирнов обратился к заместителю директора Библиотеки И. И. Яковкину с просьбой дать ему возможность «отобрать из числа предназначенных к продаже... несколько отчетов и протоколов собраний Академии, печатавшихся в приложении к „Христ[ианскому] чтению“, на что было получено разрешение»¹³. Этим объясняется наличие в материалах Смирнова большого количества оттисков и вырезок из журнала «Христианское чтение», газеты «Церковный вестник», приложений к ним, изданных в начале XX в.

Все имеющиеся данные, особенно письма к Н. В. Смирнову, говорят о том, что именно в начале 1920-х гг. он приступил к активной работе по продолжению сбора материалов для Словаря и вовлек в нее достаточно широкий круг участников.

В мае 1925 г. он получает дружеское письмо из Детского Села от протоиерея Н. И. Смирнова, выпускника 1887 г.: «Ваше начинание да поможет Вам Господь довершить благополучно и на радость всем нам, многочисленным чадам нашей alma mater¹⁴, которую вчера повидал, с любовью пройдясь по ее опустевшим дорожкам в саду и вокруг зданий с облупившейся штукатуркой, выбитыми окнами, поломанной балюстрадой и под враждебно-хулиганствующий гам дефективной детворы¹⁵, насельников и преемников наших с Вами в Академии, посылавших мне вдогонку „Сергий пог“... Более увесистых комплиментов в спину не летело, и то слава Богу! Ужасно было грустно видеть такую мерзость запустения на месте света... И тем глубже и горячее моя благодарность Вам, дорогой мой тезка и однофамилец, за Ваше такое любовное отношение и усердие к памяти своей «Матери». Я непременно в первую же свою побывку в Питере постараюсь Вас повидать...»¹⁶ Далее в письме он рассказывает о себе и обещает при личном свидании передать сведения о своих родственниках — священнослужителях и сослуживцах, выпускниках Академии.

О том, что работа над Словарем началась около 1910 г., а в 20-е гг. велась достаточно активно, свидетельствует и письмо выпускника 1916 г., священника Георгиевской церкви села Ратчина Ямбургского уезда Н. Н. Стрельникова, адресованное «господину научному сотруднику Российской Публичной библиотеки Николаю Васильевичу Смирнову»¹⁷. Стрельников пишет: «Узнав, что Вы, высокочтимый Николай Васильевич, пятнадцать лет тому назад предприняли научно-историческое изыскание о нашей alma mater С.П.Б. Духовной академии за последние 40 лет, я как один из бывших питомцев ее считаю долгом, согласно с Вашей просьбой, в целях пополнения исторического материала сообщить о себе биографические сведения». Письмо без даты, конверт отсутствует, но написано оно не позднее марта 1925 г., т. е. до смерти патриарха Тихона, так как Стрельников завершает письмо словами: «...лично я, так и весь мой округ до сего дня, по милости Божией, находимся в каноническом духовном общении с истинно православной древле-апостольской кафолической Вселенской Церковью

и с достойным ее представителем Святейшим патриархом Московским и Всея России Тихоном».

В 1924 г. сведения о подготовке Словаря попали в зарубежную периодическую печать — в журнал «Воскресное чтение», издававшийся в Варшаве в 1924—1936 гг. Е. Ю. Саковичем. Как пишет выпускник Академии 1918 г., преподаватель Закона Божьего в мужской гимназии г. Острога, уволенный в связи с закрытием польскими властями русской гимназии, Н. М. Тучемский, в № 13 этого журнала на с. 203а «была помещена коротенькая заметка о предполагаемом Вами издании Словаря воспитанников Петроградской духовной академии, и обращении к ним доставлять о себе и других, известных им воспитанниках, биографические данные, направляя таковые по Вашему адресу»¹⁸. Письмо адресовано неустановленному лицу — Николаю Никаноровичу, который на первом листе ставит свою резолюцию: «Н. В. Смирнову в Публичную библиотеку. 18(31) мая 1924 г.», подпись неразборчива.

Собирать сведения о судьбах питомцев Академии после 1917 г. было трудно, и Н. В. Смирнов добывает их всеми возможными способами, привлекая к этой работе знакомых деятелей культуры, сослуживцев, выпускников СПбДА разных лет. Например, в ней принял участие заведующий Тверским музеем И. А. Виноградов. В мае 1925 г. из музея он направляет за № 484 запрос А. П. Покровскому, выпускнику 1889 г., с просьбой сообщить сведения о себе и своих товарищах по выпуску. Ответ А. П. Покровского с припиской И. А. Виноградова попадает к Смирнову¹⁹. О себе Покровский сообщил, что до 1918 г. преподавал в гимназии и в Духовном училище русский язык, арифметику, географию и природоведение, читал лекции для кружка преподавателей о канто-лапласовской гипотезе сотворения мира, о ледниковом периоде в Европейской части России, о творчестве Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова. Приписка Виноградова дает представление о его жизни после 1918 г.: «Автор — Арсений Павлович Покровский, преподаватель Новоторжского духовного училища, окончил в нем службу в 1919 г. по случаю его закрытия. Теперь нигде не служит, существует тем, что сапожничает — шьет сапоги, зарабатывает немного и жена».

В 1928 г. помощь в сборе материала оказывал выпускник Академии 1891 г. протоиерей Н. Р. Диковский, которому по его просьбе направляется письмо со сведениями о послереволюционной судьбе епископа Павла (Поспелова), также выпускника 1891 г.²⁰ В письме сообщается, что епископ Павел занимал кафедру сначала в Вятке, затем в Козлове, в 1921 г. был переведен в Шацк, из которого в 1922 г. был выслан в Олонецкую губернию, а в 1924 г. «по ходатайству верующих г. Шацка было разрешено ему вернуться и править епископией до своей кончины в марте 1927 г.». О судьбе архива и переписки епископа автор письма рассказать ничего не может, так как во время обысков все его бумаги были изъяты.

Среди тех, кто с особым вниманием откликнулся на просьбы Николая Васильевича об оказании помощи в сборе материалов для Словаря, был И. Е. Евсеев, выпускник Академии 1893 г. Иван Евсеевич Евсеев (1869—1921), профессор церковнославянского и русского языков и палеографии СПбДА, член-коррес-

пондент Императорской АН, руководитель Комиссии по изданию славянской Библии на основе древнейших рукописей, последние три года жизни провел в г. Порхове, где открыл народный университет, в котором читал лекции, организовал «Общество изучения местного края». Изредка он приезжал в Петроград и, в один из таких приездов, внимательно просмотрел, собранные Смирновым материалы о выпускниках СПбДА 1893 г. Он сделал общие замечания и, в частности, высказал пожелание, чтобы выпускники Академии написали свои биографии, так как «это наполнит плотью сухой остов послужного списка»²¹. В заметке, предваряющей подборку материалов о выпускниках 1893 г., Евсеев рассказал о том, что «для постоянного взаимообщения, товарищи, проживающие в Петрограде, поочередно собирались друг у друга, делились жизненными наблюдениями и вели протоколы своих собраний, которые хранились у М. И. Макарьевского. Постепенно собрания редели. На собрании в память 25-летия со дня выпуска, в 1918 г. ...было только 5 участников»²². Кроме того, он дополнил ранее установленные сведения своими, зачастую не только служебными. Так о К. Т. Барсове он пишет: «Женат. Жена его постоянно публиковалась в „Новом времени“ как хиромантка Дер-на (Державина). Пользуясь человеческой глупостью, собирала массу денег с легковерной публики»²³.

И. Е. Евсеев дает характеристики своим сокурсникам иногда в виде коротких очерков, как, например, об А. П. Васильеве, пресвитере собора Зимнего дворца, духовнике царской семьи, отказавшемся ехать с ней в Тобольск²⁴, и епископе Тобольском Гермогене (Долганеве)²⁵, который, пренебрегая всеми опасностями, привез царской семье благословение и просфоры от патриарха Тихона²⁶ (см. Прил. I и II).

Автобиографии И. Е. Евсеева в этой подборке нет, к материалам о нем приложены некролог и рукописная копия большой статьи, посвященной его памяти и опубликованной в сборнике Псковского общества краеведения «Познай свой край» (Псков, 1925), присланные или переданные Смирнову в конверте.

Материалы, сосредоточенные в руках Смирнова, иногда пополнялись и за счет передачи документов из других учреждений. Так в делах выпускников 1903 г. имеется автобиография писателя К. А. Тренева, «представленная на выставке в Пушкинском Доме осенью 1923 г.»²⁷ (см. Прил. III).

Ряд этих примеров, которые можно продолжить, показывает, что в работу Н. В. Смирнова было вовлечено большое число участников, если так можно выразиться, со стороны, но к ней были причастны и сотрудники ПБ.

О том, что Смирнов собирает сведения о священнослужителях-выпускниках СПбДА, знало руководство ПБ. В фонде СПбДА хранится подборка документов из уже упоминавшейся «Папки № 1», в которой собраны официальные архивные справки, составленные по материалам Ленинградского центрального исторического архива и выданные в ответ на официальные запросы ПБ от 31 марта и 28 мая 1927 г. за № 1818 и 2224. Из архивного стола справок они были отосланы в Библиотеку 18 июня, 20 июня заместитель директора Н. С. Державин направил их ученому секретарю В. Э. Банку, который поставил свою резо-

люцию: «Н. В. Смирнову к сведению. 21.VI.27»²⁸. Все эти запросы касались исключительно священнослужителей — выпускников СПбДА 1871 г.

В 20-е гг., на которые приходится активная работа Н. В. Смирнова над Словарем, в ПБ работало несколько выпускников Академии. Смирнов обращался к ним с просьбой дать сведения о себе, о чем свидетельствует, например, его письмо к А. И. Бриллиантову, относящееся скорее всего к 1925 г.²⁹ Николай Васильевич писал: «...для большего интереса и в целях научно-исторических хотелось бы иметь в приложении не только официальные послужные списки бывш[их] питомцев, но более живой материал — автобиографический, с подробным указанием всех печатных трудов... Зная Вас, как бывшего питомца СПб. Духовной академии, обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой прислать мне Вашу автобиографию (в крайнем случае — послужной список) и тем помочь мне закончить упомянутый труд, который, при общем содействии всех бывш[их] питомцев, будет своего рода памятником, сооруженным на развалинах славной в прошлом СПб. Духовной академии».

К призыву Николая Васильевича «сооружать памятник» сотрудники Библиотеки — выпускники Академии, если судить по материалам фонда 574, отнеслись более чем сдержанно. Так А. И. Бриллиантов (выпуск 1891 г., в ПБ работал в 1921—1930 гг.)³⁰ передал Смирнову вырезку из «Журнала Совета» Петербургской духовной академии за 1913—1914 гг. со статьей, в которой рассматривался вопрос о присвоении ему ученой степени доктора церковной истории, со своими карандашными пометами, и листок из блокнота с кратким изложением послужного списка³¹.

В. В. Успенский (выпуск 1900 г., в ПБ работал в 1911—1930 гг.)³² передал написанный карандашом на небольших листках подробный список, касающийся служебной деятельности, и библиографию работ до 1917 г.³³

Имеющиеся в бумагах Н. В. Смирнова материалы о Д. П. Миртове (выпуск 1891 г., в ПБ работал в 1919—1929 гг.), М. И. Савваитском (выпуск 1886 г., в ПБ работал в 1925—1929 гг.), И. П. Соколове (выпуск 1894 г., в ПБ работал в 1919—1921 гг.) и Б. В. Титлинове (выпуск 1903 г., в ПБ работал в 1926—1928 гг.)³⁴ представляют из себя вырезки из газет, короткие библиографические заметки, выписки из печатных источников, сделанные разными почерками с информацией, доведенной до 1908—1914 гг.³⁵

Помощь Смирнову в его работе оказывали некоторые сотрудники ПБ, не являющиеся выпускниками СПбДА. По сведениям сотрудника Центра сравнительного изучения древних цивилизаций РАН А. Г. Терехова, просматривавшего фонд 574 в связи с работой по теме «Каноническое право в трудах В. Н. Бенешевича», в сборе материалов для Словаря принимали участие В. Н. Бенешевич и его жена Л. Ф. Зелинская-Бенешевич³⁶. Они оба во второй половине 1920-х гг. работали в ПБ, а Владимир Николаевич к тому же собирал портреты византистов, из которых многие были выпускниками СПбДА³⁷.

Сбор материала шел активно. Смирнов, в уже цитировавшемся письме к А. И. Бриллиантову, так характеризует степень его готовности к 1925 г.: «...био-

графический материал собран в значительном количестве на основании архивных и всякого рода печатных данных»³⁸.

Среди бывших выпускников, видимо, распространились слухи о скором выходе Словаря в свет. Протоиерей М. Е. Лебедев из Старой Руссы в письме к Смирнову от 20 марта 1924 г. выразил беспокойство по поводу судьбы сведений, собранных им о псковичах, выпускниках СПбДА: «...войдут ли сделанные мною дополнения в Ваш труд, или уже последний Вами набран и отпечатан?»³⁹

Если основываться на этих и нескольких подобных им заметках, можно утверждать, что материалы для Словаря, находящиеся в фонде 574, сохранились не в полном объеме. Совершенно отсутствуют сведения о выпусках 1870, 1872—1885, 1896—1899, 1901, 1905—1910, 1914 гг., имеющиеся же материалы являются только заготовками, во многих случаях содержащими только краткие биографические данные (год рождения, происхождение, образование до поступления и год поступления в Академию и название кандидатского сочинения). Говоря о судьбе этой, возможно существовавшей, части комплекса подготовительных материалов можно высказать несколько предположений. Во-первых, она может находиться в РГИА, где хранятся архивы Синода и СПбДА/ПДА. Во-вторых, она могла быть утрачена в ходе многочисленных перемещений фонда СПбДА.

Материалы, с которыми работал Н. В. Смирнов, вероятнее всего были присоединены им к архиву Академии в 1930—1931 г. (после того как он прервал свои поиски, хранить у себя дома или на рабочем месте такой идеологически «вредный» материал было опасно). Сделать это было легко, так как фонд СПбДА постоянно находился в движении. В 1920—1930-е гг. его то «сортировали» и что-то сдавали в макулатуру и на продажу, то начинали, а затем прекращали обрабатывать. О начале работы по обработке фонда 574 свидетельствует наличие в некоторых делах карточек с описаниями, составленными сотрудником, знающим историю и внутреннюю жизнь Академии. Кроме того, академический архив одновременно пополнялся архивами ректоров и профессоров СПбДА/ПДА, которые впоследствии выделялись из общего массива в отдельные фонды.

В августе 1930 г. скончался сотрудник ПБ, выпускник СПбДА 1900 г. В. В. Успенский. К биографическим заметкам о нем приложен черновой автограф некролога, написанного Н. В. Смирновым (см. Прил. VII). Эта рукопись является не только прощанием с товарищем по alma mater, но и прощанием с работой над Словарем — более поздних дат поступления материалов в собрание Смирнова не выявлено.

1930 г. явился годом перемен в жизни ПБ. Ушел с поста директора Н. Я. Марр⁴⁰, не согласившись с установкой Наркомпроса РСФСР на «техничко-экономический уклон» в работе Библиотеки. На посту директора его сменил член ВКП(б), дипломат, юрист М. М. Добраницкий⁴¹, при котором в коллектив сотрудников влилось большое число молодежи из рабочей среды и новой интеллигенции.

В 1928 г. был арестован по обвинению в шпионаже и сослан на Соловки В. Н. Бенешевич, в 1930 г. он был возвращен в Ленинград и привлечен к суду

по «Академическому делу». В 1930 г. подверглась аресту и его жена Л. Ф. Бенешевич.

По решению Комиссии по чистке аппарата в августе 1930 г. была переведена с должности научного сотрудника в разряд научно-технического жена Н. В. Смирнова И. Л. Будницкая, работавшая в Библиотеке с 1916 г.⁴²

Все это не могло не сказаться на настроении Николая Васильевича, кроме того, работа по сбору материалов для биобиблиографического словаря выпускников Духовной академии становилась небезопасной и абсолютно бесперспективной в плане возможности его издания. В стране нарастали репрессии против священнослужителей, в массовом порядке закрывались церкви, «Союз воинствующих безбожников» готовился к началу «безбожной пятилетки».

Работа над Словарем была прекращена, необходимо было полностью сосредоточиться на выполнении прямых служебных обязанностей, чтобы не потерять место в Библиотеке, дававшее не только средства к существованию, но и возможность заниматься интеллектуальным трудом. Николай Васильевич в анкете, заполненной в 1937 г., уже не упоминает о своей библиографической работе и заканчивает ее словами, от которых, несмотря на их пафос, веет некоторой горечью: «За время моей службы в Публичной библиотеке сменилось 8 директоров и бесконечное количество рядовых сотрудников. Внутри самой библиотеки произошли большие перемены, направленные к упорядочению сложного библиотечного хозяйства и к улучшению обслуживания читателей. Из прежнего книжного архива, или в лучшем случае — музея, Г.П.Б. постепенно превращается в живой организм, подлинный рассадник знания и культуры»⁴³.

Комплекс подготовительных материалов для биографического словаря выпускников СПБДА/ПДА 1871—1918 гг., собранный Н. В. Смирновым, несмотря на свою неполноту, является ценным источником для изучения истории Академии и судеб ее питомцев, темы весьма важной, ибо она касается сложных и трагических страниц истории определенного слоя русской интеллигенции, плотью и духом связанного с историей Русской православной церкви.

Особый интерес среди этих материалов представляют имеющиеся в них сведения о судьбах выпускников Академии после революций 1917 г. Они отражают и размах репрессий, которым подверглись священнослужители, и то, что благодаря фундаментальным знаниям, полученным в стенах Академии, ее выпускники смогли вписаться во многие сферы деятельности и полностью проявить свои способности.

В ответах на анкеты от 2 октября 1924 г. и 22 апреля 1925 г. Н. В. Смирнов пишет, что 15 лет собирает «материалы для Словаря рус[ских] писателей, ученых и культ[урных] работников за последние 50 лет»⁴⁴. Во многом этот ответ соответствовал истине, так как многие из выпускников Духовной академии достойно проявили себя в науке, образовании и культуре. Что касается писателей, то в имеющихся материалах содержатся сведения только о двух выпускниках, посвятивших себя литературному труду. Это уже упоминавшийся писатель К. А. Тренев и поэт Л. В. Мурогин.

Лев Васильевич Мурогин⁴⁵, родился в 1886 г. в семье мещанина в г. Великий Устюг. После окончания Вологодской духовной семинарии поступил волонтером в СПбДА, которую окончил в 1911 г., написав кандидатское сочинение на тему «Церковность в начальном народном образовании» и получив на нее «почетный отзыв». В 1911 г. в Вологде выходят в свет его проповеди «Призыв ко Христу» и «Слово при закладке храма». С осени 1911 г. он преподает философию в Ярославле. О дальнейшей его судьбе в материалах Смирнова говорит только одна фраза: «Пролетарский поэт в Ярославле». Л. В. Мурогин был председателем Союза пролетарских поэтов в Ярославле, известно об одном сборнике его стихов «Пигмалион» (Ярославль, 1922).

С наибольшим успехом выпускники СПбДА смогли проявить себя в филологии, истории, архивоведении, книговедении, как, например, уже упоминавшиеся выпускники Академии, связавшие свою судьбу с ПБ. Подбирая материал о выпускниках — людях науки, Н. В. Смирнов иногда просто делал заметки о том, что необходимо просмотреть справочник «Научные работники СССР» (М., 1928), как, например, сделано в подборке о выпускниках 1895 г. В. Г. Курдиновском, Н. В. Малицком, Д. Д. Соколове⁴⁶.

Архивное дело стало профессией В. Н. Синайского (выпуск 1916 г.), в 1924 г. он был заведующим архивом Псковского губернского Совета профессиональных союзов. Преподавателем Полтавского института народного образования и членом этнографической комиссии Всеукраинской АН был В. А. Щепотьев (выпуск 1904 г.). Ученым секретарем историко-археологической комиссии Института Белорусской культуры был Д. И. Довгялло (выпуск 1893 г.)⁴⁷.

Краеведение, музейное дело также привлекали выпускников СПбДА. Преподававший до революции в Псковской духовной семинарии, затем служивший директором в коммерческом училище в Пскове В. Я. Разлетовский (выпуск 1904 г.) в начале 1920-х гг. был секретарем правления Псковского общества краеведения. Заведующим Городским музеем в Бежецке стал А. И. Соколов (выпуск 1913 г.), до этого преподававший в Кашинском духовном училище. С 1920 г. Новгородским историческим музеем заведовал С. М. Смирнов (выпуск 1917 г.), который руководил также Обществом краеведов и экспедицией юных членов этого общества по обследованию археологических памятников Новгородского края⁴⁸.

Наиболее яркую «музейную карьеру» сделал сокурсник и затем сослуживец С. М. Смирнова Николай Григорьевич Порфиридов (1893—1980), оставивший значительный след в деле изучения и сохранения новгородских древностей. В 1913 г. он окончил Новгородскую духовную семинарию и тогда же волонтером поступил в ПДА, в 1914 г. обучался в Николаевском кавалерийском училище, в 1917 г. окончил Академию, а в 1918 г. — Петроградский археологический институт. После окончания института жил в Новгороде, 4 апреля 1918 г. был назначен заведующим Новгородского музея древностей⁴⁹. Дополнительные сведения о своей работе в 1918—1924 гг. он дает в письме Н. В. Смирнову от 26 августа 1924 г. (см. Прил. IV). После Великой отечественной войны он был научным сотрудником Русского музея в Ленинграде.

Имя Н. Г. Порфиридова встречается во всех путеводителях, историко-архитектурных очерках и книгах, посвященных сохранению новгородских древностей и Новгородскому историко-архитектурному музею. Его иногда называют первым «красным директором» этого музея⁵⁰. В 1980-х гг. по просьбе Д. С. Лихачева Н. Г. Порфиридов пишет и публикует воспоминания о своей работе в Новгороде⁵¹. Ни в предисловии Н. Г. Боброва, ни в тексте книги не говорится о том, что Николай Григорьевич окончил сначала Новгородскую духовную семинарию, а затем ПДА. То же относится и к его сокурснику С. М. Смирнову, о котором Порфиридов пишет: «...историк по факультетскому профилю, прослушавший курс Археологического института»⁵². В письме же к Н. В. Смирнову Порфиридов не упоминает о том, о чем рассказывает в воспоминаниях, как в начале 1920-х гг. принимал участие в изъятии церковных ценностей и антирелигиозной просветительной работе⁵³. Время на все откладывает свой отпечаток.

Многие из выпускников СПбДА успешно проявили себя в сфере народного образования, например, выпускники 1913 г.: А. Д. Нарбеков в 1922 г. был инспектором Наркомпроса, кандидатом в члены РКП(б); В. Л. Верзин — заведующим школы II ступени Северной железной дороги в Ярославле; Н. М. Левитский — заведующим отдела народного образования и школы I ступени в Благовещенске; М. И. Имшенник — заведующим школы фабзавуча Северной железной дороги в Иванове; И. И. Лавров — заведующим железнодорожной Школы II ступени в Рославле, откуда в 1925 г. был командирован в Москву на Высшие педагогические курсы⁵⁴. В 1927 г. на этих же курсах оказывается и сокурсник И. И. Лаврова А. Н. Дюков, об учительской деятельности которого сведений нет, но зато имеется заметка о том, что при Колчаке он занимал должность чиновника особых поручений Управления земледелия и Государственных имуществ, затем был юрисконсультом этого Управления⁵⁵.

Целая группа выпускников СПбДА преподавала в Пермском университете. Это А. П. Дьяконов, А. И. Сырцов, А. А. Савич и Н. А. Коновалов⁵⁶. Николай Александрович Коновалов, сын крестьянина, последовательно окончил Духовное училище и Духовную семинарию в Вологде, в 1911 г. — СПбДА. Его кандидатское сочинение на тему «Экспериментальная педагогика перед судом христианства» было удостоено премии митрополита Иосифа. В Пермском университете он становится профессором педологии и занимается вопросами проявления одаренности⁵⁷.

Но учительская деятельность могла быть прервана увольнением из-за доноса, что особенно часто касалось именно бывших священнослужителей. Так было с Л. П. Гуричем, «учителем-воспитателем приемно-распределительного пункта для нравственно-дефективных мальчиков», помещавшемся в здании ПДА. Он был уволен по доносу своего сокурсника и сослуживца А. М. Нечаева, который написал в Смольный, негодуя, «как Советская власть допускает воспитывать своих детей хотя бы и безприходному, но все же священнику Гуричу»⁵⁸.

Разнообразие деятельности, которой были заняты выпускники СПбДА после революции 1917 г., можно проиллюстрировать на примере выпускников, проживавших в первой половине 1920-х гг. в Новгороде. Из них М. Д. Твердын-

ский остался священником; В. Н. Фиников, автор брошюры «Справедливо ли говорить, будто ученые люди не веруют в Бога» (Новгород, 1909), служил регистратором в губернской прокуратуре; А. П. Твердынский был членом коллегии защитников; Н. А. Устьбинский служил в рабоче-крестьянской инспекции; Б. И. Семеновский и В. И. Знаменский состояли на службе в советских учреждениях; М. П. Пятницкий заведовал Губернским отделом профессионального образования; М. И. Вышеславцев обучался в школе печатного дела; Н. Г. Порфиридов и С. М. Смирнов, как уже говорилось, были музейными работниками⁵⁹.

Среди материалов, собранных Н. В. Смирновым, есть интереснейшие и волнующие биографии выпускников Духовной академии. Например, биография выпускника 1891 г. В. В. Сиземского, снявшего с себя священнический сан в 1896 г. и поступившего на медицинский факультет Казанского университета, после окончания которого он всю свою жизнь по зову сердца посвятил служению людям на врачебном поприще. Вызывает глубочайшее уважение стояние в вере и то непоколебимое убеждение в правоте и будущем торжестве Святого Православия, которое проявил епископ Елисаветградский Онуфрий, выпускник Академии 1915 г. (см. Прил. V и VI).

Из приведенных примеров видно, что знания, полученные в стенах СПбДА, давали ее выпускникам возможность проявить себя в самых разных профессиях, в самых разных жизненных условиях. При знакомстве с материалами, особенно относящимися к послереволюционному периоду, обращает на себя внимание то, как спокойно и сдержанно они рассказывают о трудностях, гонениях и гонителях, с какой благодарностью они вспоминают о годах, проведенных в стенах Академии.

Несмотря на незавершенность, работа по сбору сведений для Словаря питомцев СПбДА, проделанная Николаем Васильевичем Смирновым, является прекрасным дополнением к истории этой одной из крупнейших духовных школ России.

Приложения

I

В 1912 г. на открывшуюся вакансию пресвитера при соборе Спаса Нерукотворного Образа в Императорском Зимнем дворце был назначен настоятель церкви Крестовоздвиженской общины сестер милосердия протоиерей Александр Петрович Васильев, 44-летний сын крестьянина Смоленской губернии, выпускник СПбДА 1893 г. Он получил известность своей законоучительской деятельностью в женской гимназии княгини Оболенской и некоторых аристократических домах, и в 1910 г. стал преподавателем Закона Божия сначала великим княжнам, затем и наследнику цесаревичу. Несколько позже он был назначен духовником Их Императорских Величеств. В подборке материалов Н. В. Смирнова о выпускниках 1893 г. имеется много заметок, сделанных профессором И. Е. Евсеевым о своих сокурсниках, в частности об А. П. Васильеве он написал следующее (ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 905. Л. 12—12 об.).

...Призванный судьбою к ответственному и высокому служению в роли сначала законоучителя царских детей, а потом царским духовником, А. П. В. не поднялся до высоты своей задачи. Несомненно, честный, верующий, горячо преданный своему делу, А. П. был слишком осторожен и уклончив там, где нужно было проявить гражданское мужество.

Он отлично знал об одиозной личности Распутина, о его вызвавших нарекания похождениях — и молчал. На товарищеских собраниях петроградских товарищей по выпуску, напр[имер] у И. Е. Евсеева в 1914 и 1915 г., он делился своими впечатлениями от создавшейся вокруг этой личности атмосферы, тяготился такой обстановкой, но на вопрос И[вана] Е[всеевича], почему он не выступит на пути разьяснения правды об этой личности, не возьмет на себя роли святителя Филиппа, он уклончиво отвечал, что с этой личностью сплетены при дворе столь значительные интересы, что здесь связано столько лиц, что его, при первом же выступлении с разьяснением, удалят с места и на его месте будет кто-нибудь совсем неподходящий, может быть, даже неверующий. Он, видимо, понимал и страдал от невозможности что-нибудь сделать.

Своего гражданского и даже пастырского долга он не выполнил.

После революции отрекшийся от престола б. Император, назначенный к переезду в Тобольск, приглашал с собою, наравне с другими приближенными лицами, также духовного отца А. П-ва В-ва, А. П-ч отказался разделить судьбу своего высокого духовного сына — в Тобольск не поехал...

Лишенный придворной должности, А. П. Васильев поступил настоятелем приходской церкви св. Екатерины на Екатерингофском проспекте.

Непонятно, почему на него было обращено внимание как на политического сторонника б. Царя. В 1919 г. он был арестован и разстрелян.

II

В заметках И. Е. Евсеева о выпускниках 1893 г. есть также сведения о гибели епископа Тобольского Гермогена (Долганева). Георгий Ефремович Долганев родился в 1858 г. в Херсонской епархии, по окончании в 1889 г. юридического факультета Новороссийского университета поступил в СПбДА, которую окончил в 1893 г. В 1890 г. он был пострижен в монашество с именем Гермогена, был епископом Саратовским, затем Тобольским. По обвинению в сочувствии к высланной в Тобольск царской семье был удален с кафедры. В материалах о Гермогене есть сведения, что за свою несдержанность по отношению к большевикам он был «застрелян или повешен (на Урале или на Волге)» (ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 905. Л. 29), Евсеев же приводит другую версию его гибели (Там же. Л. 30—30 об.).

...Епископ Гермоген Тобольский погиб, как мне сообщили, при следующих обстоятельствах. Из Тобольска он, ввиду его благожелательности к заключенному там б. Императору (служил молебны на площади по требованию народа), был вывезен в Екатеринбург, и о нем не было никаких известий. Брат его, протоиерей Ефрем Долганев, бывший также священником в Петропавловском соборе в Петрограде, из Тобольска, вместе с другими гражданами Тобольска, поехал в Екатеринбург узнать, что с ним. Долго они не могли ничего добиться, на-

конец ему посоветовали предложить ЧК 100.000 р., тогда он освободит брата. Столько денег не было. Начали собирать у горожан в Екатеринбурге. Набрали 10.000 р. и пошли в ЧК с заявлением, что остальные дошлют, когда приедут домой в Тобольск. Допущены к еп. Гермогену они не были. Их схватили, и с тех пор их не видали. Еп-па же Гермогена повезли на пароходе, неизвестно куда. По дороге встретился пароход, идущий навстречу. Решили, что этот пароход из Тобольска идет на освобождение заключенного еп. Гермогена. Привязали еп. Гермогена к пароходному колесу и так тащили до тех пор, пока он не оторвался и его труп не прибило к берегу. Труп оказался весь изуродованный и обезображенный.

III

Среди материалов, собранных Н. В. Смирновым, имеется автобиография Константина Андреевича Тренева (1876—1945. ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 910. Л. 93—94). Сын крестьянина области Войска Донского, окончил двухклассное земледельческое училище, с 1895 по 1899 гг. учился в Донской духовной семинарии, затем поступил в СПбДА, которую закончил в 1903 г., написав выпускное сочинение на тему: «Антирелигиозные и антихристианские взгляды на смысл жизни новейших философских писателей (Ницше и др.), философско-богословская их критика». Автограф в конце текста имеет приписку: «Автобиография, представленная на выставку в Пушкинском Доме осенью 1923 г.»

К. Тренев. Автобиография

Отец мой и мать были крепостные крестьяне. Детство прошло в крестьянском труде — в пастухах, погонячах и проч. На 8-м году лишился матери. Осталось нас шестеро — от одного года до 12 лет. (Этот момент изображен мною в рассказе «Шесть недель».) Учился в церковно-приходской школе, что было признано более чем достаточным «чтобы молиться Богу и уметь написать письмо». И я с успехом исполнял свои знания: погонял ли быков в плуге или лошадей в косилке или молотилке, пас ли телят — я неизменно делал свое дело: молился о чуде — дальнейшем ученье. Молитва оказалась действенна: я окончил три высших учебных заведения. Сочинять стихи и прозу начал с 6 лет. Первый рассказ напечатал в «Донской речи». С 1903 по 1906 гг. был фактическим редактором «Донской речи» и заменившей ее «Донской жизни». Это был гибельный период: беллетристику я променял на злободневные фельетоны. Потом 17 лет учительства, с которым удалось расстаться только в последние годы. Серьезно стал работать только с 1912 г. — выхода в свет «Владыки» и горячих писем ко мне М. Горького. Многим я ему обязан! Издавался главным образом в «Книгоиздательстве писателей» в Москве. Критика почти всегда меня хвалила, часто не в меру. Журналы и альманахи щедро давали авансы. Это было благотворно: принуждало побеждать лень.

К. Тренев.

IV

Автобиография Николая Григорьевича Порфиридова (ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 917. Л. 85—85 об.), выпускника СПбДА 1917 г., содержится в письме Н. Г. Порфиридова

Н. В. Смирнову: «Свою личную «автобиографию» посылаю Вам с настоящим письмом. ...Что касается присланного Вами списка нашего курса, то его я на некоторое время задерживаю, чтобы в ближайшее свободное время вместе с С. М. Смирновым, моим однокурсником и теперешним сослуживцем, засесть на вечерок и пополнить теми сведениями, какими мы здесь обладаем. Как только это мы сделаем, я его вышлю Вам незамедлительно. (А если вскорости придется быть в Ленинграде, то, с Вашего разрешения, занесу его в Пуб[личную] библиотеку.» (ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 917. Л. 84). Список этот был передан Н. В. Смирнову и находится в делах выпускников 1917 г. (Там же. Л. 16–19).

Родился 8/21 мая 1893 года, в селе «Большом Замошье» Подберезовской волости Новгородского уезда. Отец — Григ. Григ. Порфиридов — сельский священник, (ум. в 1908 г.). Образование получил в Новгородском дух[овном] училище, затем в Новго[родской] дух[овной] семинарии, которую окончил в 1913 году. Было предложено поехать казенным стипендиатом в Московскую дух[овную] академию, но из боязни ее замкнутости и оторванности от светского научного мира, предпочел Петроградскую академию, куда отправился волонтером. В Академии со второго курса наметил своею специальностью ц[ерковную] археологию и историю искусства. По этому предмету писал кандидатскую работу «Росписи древних Новгородских храмов» (доценту Н. В. Малицкому); по этой же кафедре был оставлен, согласно ходатайству Совета Академии, «для приготовления к занятию академических кафедр» (Указ Св. Синода от 14 апреля 1917 г. № 7700).

Параллельно с последним курсом Академии и во время стипендиатского года состоял в Пг. Археологическом институте, который окончил в 1918 году со званием действит[ельного] члена института.

Со времени окончания Археологич[еского] института до сего времени непрерывно живу в Новгороде, работая по своей специальности. 4 апреля 1918 г. был назначен заведующим Новг[ородского] музея древностей, с 1 июня того же года — членом Губ[ернского] отдела нар[одного] образования по худож[ественно]-археологической секции; с 1919 года по сие время состою заведующим губ[ернского] органа (который именовался сначала Подотделом, потом Секцией, теперь Комитетом) по делам музеев и охране памятников искусства и старины.

Одновременно с этой основной деятельностью состоял и состою в ряде местных научных учреждений и обществ. Членом правления Новгородского общества любителей древностей и Новгородского общества изучения края. Членом Новгородского общества художников. Состоял членом б[ывшей] новг[ородской] губ[ернской] Ученой архивной комиссии; после ее ликвидации — членом коллегии губ[ернского] Архивного управления (ныне Губархивбюро). Членом совета Музея нар[одного] образования и Музея революции. Кроме того, с 1920 по 1922 г. (до времени упразднения) состоял членом коллегии новгор[одского] губ[ернского] отделения Госиздата.

С 1919 года был назначен членом Петр[оградского] областного археологического отдела с поручением заведывания Новгородской реставрационной мастерской. В 1920 г. (в засед[ании] Совета от 17 мая) был избран научным сотруд-

ником 1 категории Российской Академии истории материальной культуры по разряду древнейшего русского искусства и искусства славянских народов.

Как видно, званий и титулов, как у шаха персидского.

Писать приходилось порядочно, гл[авным] образом в местной повременной печати и исключительно по вопросам археологии, искусства и текущей музейной жизни. Всего напечатано до 55 статей, рецензий и заметок. Из них имеющие относительное значение, б[ыть] м[ожет], можно счесть некоторые, посвященные описанию местных памятников старины, в новгородской газете «Звезда», в новгородских же журналах «Просвещение и культура», «Новгородское вече» и «Материалы по кооперации Новгородской губернии». Давал корреспонденции из Новгорода в ленингр[адский] историч[еский] журнал «Дела и дни» и в «Казанский музейный вестник». Из отдельных изданий Новгородским обществом любителей древностей выпущена брошюра «Легенда грузинской колокольни» (Новгород, 1923).

Не вижу, что еще сообщить Вам, Николай Васильевич, о себе, и так слишком распространенся. Моя заветная мечта и цель, пока есть силы и возможности работать, содействовать укреплению взгляда на наш Новгород как «город музей» и обеспечить охрану необыкновенного худож[ественно]-культурного достояния этого города, настоящая оценка которого, м[ожет] б[ыть], еще не пришла.

Август 1924 г.

Ник. Порфиридов.

V

Ниже приводится некролог памяти В. В. Сиземского, выпускника СПбДА 1889 г., по копии, выполненной предположительно Н. В. Смирновым в 1922 г. (ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 901. Л. 135—136).

В. В. Сиземский

20 февраля 1922 г. в П[етро]гр[аде] скончался от легочной чахотки врач Виктор Всеволодович Сиземский. Покойный род[ился] в г. Вологда 22 января 1866 г. в семье священника. В 1875 г. он был определен в Вологод[ское] дух[овное] уч[илище], а затем в Вологод[скую] сем[инарию], которую окончил в 1885 г., по окончании которой (так в тексте.— *И. С.*) поступил с СПб. Дух[овную] ака[демию], где пробыл 3 г., а в 1888 г., до окончания курса, по собственному желанию был командирован в Аргентину на должность дьякона посольской церкви в Буэнос-Айресе. Миссионерство его продолжалось около 3-х лет, и в 1891 г. он, не дождавшись положенного ему срока службы, несмотря на противодействие начальства, уехал обратно в Россию и по прибытию, в Одессу, вследствие отсутствия посольской визы на паспорте, подвергся задержанию и в административном порядке был отправлен в СПб. Здесь он получил место дьякона Митрофаньевско-Кладбищенской ц[еркви] в 1891 г. В этом же году он окончил Академию и получил степень кандид[ата] бог[ословия] за диссертацию «Геология и телеология по учению Канта». Прослужив 5 л[ет], Сиземский в 1896 г. резко порывает с своей прежней жизнью, снимает сан и поступает на медицинский факультет Казанского университета. Будучи студентом, он по полномочию

Кр[асного] Креста и Пироговского Комитета в 1899—1900 г. работает по организации народных столовых, трудовой помощи и обсеменению полей, и борьбе с эпидемиями среди голодающих Мамадытского % (так в тексте.— И. С.) Казанской губ[ернии]; кроме того в студенческие же годы он работал в качестве земского статистика в той же губ[ернии]. Окончив в 1900 г. Университет, он начал свою врачебно-общественную работу в должности участкового земского врача в м. Любани под Петербургом при станции Николаевск[ой] жел[езной] дор[оги], одновременно работал в качестве окружного надзирателя Любанск[ого] округа СПб. Воспитательного дома. В Любани он развил широкую, главным образом хирургическую деятельность, настолько популярную среди населения, что Уездное Земское собрание по окончании им службы постановило присвоить его имя одной койке в земской больнице. В феврале 1904 г. его земская работа прерывается неожиданно добровольной командировкой на Д[альний] Восток в качестве старшего хирурга в Порт-Артурский лазарет Красн[ого] Креста. Выдержав всю осаду Порт-Артура, он попадает в плен в Японию, оттуда возвращается морским путем в СПб. в мае 1905 г., затем уезжает за границу, и слушает лекции, и проходит два практических курса по оперативной хирургии и патологич[еской] анатомии в Женеве и в Берлине. В конце 1905 г. он возвращается в Россию, поступает земским врачом в Стерлитамак Уфимской губ., где развивает большую хирургическую работу. В 1907 г. он работает в земской больнице Крестьянского уездного земства Новгородской губ. при ст. Вербье, Никол[аевской] жел[езной] д[ороги], в начале 1908 г. командировается Мин[истерством] вн[утренних] д[ел] в Москву, где работает в клинике проф. Дьяконова. В 1909 г. он переходит на железно-дорожную службу в качестве врача больницы Александровского Механического завода Никол[аевской] жел[езной] дор[оги], где продолжает службу до смерти. Балканская война 1912 г. временно переносит его в Сербию, где он целый год работает в качестве старш[его] врача госпиталя имени королевы Сербской. В 1915 г. он идет добровольно на Русско-германскую войну, проделывает с госпиталями и отрядами Кр[асного] Кр[еста] все этапы ее, наиболее яркие и трагические, напр[имер] Карпатское отступление и оканчивает свою военно-хирургическую деятельность в г. Полоцке в должности старшего хирурга и гл. врача IV Георгиевского госпиталя Красного Креста с громадным хирургическим материалом, где участвует в организации медико-хирургического общ[ества]. После февральского переворота некоторое время он занимает должность полоцкого уездного комиссара. С конца 1918 г. он уже не покидает Петрограда и помимо своей основной службы — ординатора хирургического отделения жел[езно]-дор[ожной] больницы с большим хирургическим материалом, несет ряд др. обязанностей, как-то: врача Центр. Коммун[альной] лечебницы № 76, врача пункта скорой помощи, санитарно-продовольственного врача, школьно-санитарного врача и гл. врача Земской больницы Михаила Архангела — ныне больницы в память д-ра В. В. Цимбалына. Тяжелые условия жизни и переобременение работой обострили туберкулезный процесс, и В. В., несмотря на улучшение после нескольких месяцев санаторного лечения, после первой попытки работать, слег и больше не встал. В этой короткой биографии

виден тот мятущийся, беспокойный дух почившего, который выделял его из среды обычных людей и заставлял его бросаться от богословия к медицине, из одной страны света в другую, от одного налаженного им дела в гущу нового людского страдания.

Обладая горячим темпераментом, высоко развитым чувством общественности, глубоким умом, способностью к тонкому анализу и широким обобщениям, живо интересуясь не только медицинскими вопросами, но и всеми отраслями знания, литературой и искусством, В. В. был весьма незаурядной личностью, а в своей врачебно-общественной работе всегда руководствовался заветами Пироговского общества, он был членом этого общества и активным участником Пироговских съездов. Отдавая себя полностью своей работе, он посвящал свою жизнь благо страждущих, исключительно народным и рабочим массам.

Литературное наследие В. В. составляет 12 печатных работ <...>

Сам стремясь к углублению своих знаний, покойный старался делиться своими знаниями с широкими массами населения, охотно читал популярные лекции и организовывал гигиенические выставки.

Похоронен В. В. на кладбище у ц. Спаса в с. Фарфоровом за Невской Заставой.

Память о покойном, как о талантливом, широко образованном специалисте, отзывчивом, сердечном человеке, народнике и общественнике, будет долго жить среди всех знавших его.

Составлено врачами В. В. Булычевым, С. Ф. Симоновичем, Б. П. Фоменко.

VI

В материалах, посвященных выпускникам СПбДА 1915 г. имеется копия части письма епископа Елисаветградского Онуфрия неустановленному лицу от 16(29) июня 1925 г. (ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 61—62).

...По милости Божией, я теперь епископ Елисаветградский (Зиновьевский), упр[авляющий] Одесской епархией. Господь дал мне утешение не изменять Церкви Божией, и я — епископ так наз[ываемой] Тихоновской ориентации. Кратко изложу свою жизнь епископа. Хиротонию свою я восприял в Киеве, в Великой Лаврской церкви 22 января 1923 года по ст. стилю, от рук экзарха Украины митрополита Михаила и еп. Дмитрия, викария Киевского. 23 января, т. е. на следующий день, м[итрополит] Михаил был арестован и выслан из Киева за неподчинение ЖЦ и ВЦУ (Живой Церкви и Высшему Церковному Управлению. — И. С.). Я приехал в свой город Елисаветград дня через два, пробыл всего 6 дней, успев отслужить несколько служб, и затем был арестован и выслан в тюрьму одесскую, где пробыл 3 месяца. Накануне ареста я открыто и прямо заявил представителю ЖЦ, что не признаю ЖЦ и ВЦУ. Из одесской тюрьмы я был освобожден, ибо за мною не было никаких гражданских преступлений. Но меня все же выслали из Одесской губ. (мне сказано: Вас высылаем за то, что Вы неугодны Одесск[ому] Епарх[иальному] Упр[авлению]). Я поехал в г. Кривой Рог (Екатеринославской губ.). Здесь я начал трудиться и с Божией помощью рабо-

тал в пользу Церкви Божией 6 месяцев. А потом был снова арестован, сидел в тюрьмах Кривого Рога, Екатеринослава и, наконец, Харькова. Второй раз я сидел тоже три месяца. 16/3 января 1924 г., за недостаточностью улик, был освобожден из Допра под подписку о невыезде из Харькова и с запрещением общественной деятельности. И вот уже больше 1½ года тружусь в Харькове, не оставляя без внимания и своей епархии Одесской.

Невыразимо трудно работать: неуверен в завтрашнем дне. Кроме того, в церковном отношении трудно. В России обновленчество уже выдохлось почти, а у нас на Украине, особенно в Харькове, оно еще сильно. Кроме того, здесь есть еще и самосвятство. А в последнее время — раскол Иоанникия (Соколовского), б[ывшего] архиеп. Екатеринославского, и обновленца Павла Погорелко, выдающего себя за православного. Великая скорбь и в том, что очень мало храмов: всего 3, а фактически — всего лишь один, и то небольшой. Все усилия получить еще храм — подавляются в корне. Ужасно тяжело. Но народ — редкий по отзывчивости и любви к храму. Я очень часто служил раньше и теперь служу в неделю непременно два раза, кроме воскресных дней и праздничных.

В настоящее время в Харькове 7 православных епископов. Слышал, что в Петрограде теперь епископы православные: Венедикт (Алентов ?), Григорий (не знаю), Иннокентий (не Тихонов ли ?), Николай (не Ярушевич ли ?). Если это верно, то передайте всем этим святителям мой поклон и братское лобзание. О, дорогие имена друзей. Как-то они живут там?

Работаем, дорогой друг, дорожа каждым днем. Напряженность работы сказывается на организме: я похудел, уже посидел, изнервничался сильно. Но чего-либо страшного (в роде туберкулеза), слава Богу, нет. В материальном отношении устроился отлично: все есть, что нужно: верующие дают.

Посылаю Вам свои убогие литературные труды. Это плод работы не спокойной, а беглой, тревожной, отрывочной. Простите за скудость труда. Но я рад был бы, если бы Вы и другие друзья мои тоже просмотрели эти мои труды. Но все сие нужно делать сохранным.

Из знакомых Ваших в Харькове живут: еп. Антоний (Панкеев), канд. бог[ословия] 1917 г., и Ив. Ник. Соколов, канд. Бог[ословия] Петр[оградской] Академии 1917 г. Проф. Н. И. Сагарда был в Полтаве, теперь — в Киеве.

Как тяжело мучительно, что Н. Ф. Платонов стал злым врагом Церкви Божией, а его примеру последовал С. М. Зарин! Кто мог бы ожидать? Я им послал письма, но ответа не получил и узнал об их измене Церкви Божией.

В нынешнем 1925 г. исполнилось ровно 10 лет со времени окончания мною Петр[оградской] Академии. Господи! Как бы хотелось увидеть опять Петроград, Академию и дорогих лиц. Если есть кто-либо из Ваших и моих друзей — передайте им от меня благословение и привет. Как милая моя церковь Михайловская? Передайте им от меня благословение, если они православные, а если нет, то выразите мое сожаление.

...Лично о себе скажу, что сильно я устал от ежедневной непрерывной, напряженной работы. Но духом не унываю и никак не унываю. Слава Богу за все!

Мне кажется, дорогой друг, что неверие есть путь к вере: что пройдет увлечение земным и люди потянутся к Богу, к небу и пожелают воспринять Христово учение не в искаженном виде, как у католиков и разных сектантов и раскольников, а в форме истинной: святого православия. Лишь бы мы сохранили чистоту веры, лишь бы источник наш был не загрязнен. А люди, уставшие, жаждущие придут к нам за утешением. Но нужно работать и работать, и молиться, и молиться...

Г. Харьков. 1925 г. 29/16 июня.

Епископ Онуфрий
Елисаветградский.

Н. В. Смирнов. Памяти В. В. Успенского. Черновой автограф. Без даты.

VII

Ниже приводится черновой автограф наброска статьи Н. В. Смирнова, посвященной памяти Василия Васильевича Успенского, выпускника СПбДА 1900 г. (ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 908. Л. 84).

Проф. В. В. Успенский

3 августа с. г. в дачной местности Сиверская по Балтийской ж. д. внезапно скончался от паралича сердца гл. библиотекарь, заведующий отдел[ом] философских наук в Гос. Публ[ичной] библиотеке в Ленинграде Вас. Вас. Успенский, состоявший одновременно проф[ессором] педагогических вузов — Инстит[ута] дошк[ольного] образов[ания] и Гос. инст[итута] физич[еской] культуры им. П. Ф. Лесгафта.

В. В. Успенский, родом из Нижегородской губ., род. 14 авг. 1876 г. По окончании курса в Петерб[ургской] дух[овной] акад[емии] занял там кафедру педагогики. Через 4 года преподавательской службы (текст частично зачеркнут.— И. С.), в 1905 г. В. В. сделал «красивый и опасный жест» (так в свое время расценивался его поступок) и ушел из Академии. Это был своего рода протест против монашеской партии в Академии, особенно усилившейся в 1904—5 г.

Тотчас по уходе из Академии В. В. занял место преподавателя, а с 1911 г. поступил в качестве научного сотрудника в Гос. Публ[ичную] Библиотеку, где с 1913 г. состоял заведующим отдел[ом] философии.

В Гос. Публ[ичной] библ[иотеке] В. В. Успенский составил научное описание книжного собрания франц[узского] энциклопедиста XVIII в. Фр. Вольтера. Библиотека Вольтера, как ее обычно принято называть, интересна тем, что на полях книг имеются карандашные пометки и аннотации, сделанные рукой самого Вольтера.

В последний год службы в Библиотеке В. В. занимался переработкой систематического каталога отделения философских наук Гос. Публ[ичной] библ[иотеки] с целью согласовать его с принципами современного марксизма.

Схоронили В. В.-ча 5 авг. на Смоленском кладбище в Ленинграде.

Н. С.

Примечания

¹ О трагической судьбе этого архива см.: Отдел культов в первое десятилетие советской власти (1917—1927); Отделение культов с 1928 по 1948 годы // Сосуд избранный: История рос. духовных шк. в ранее не публ. тр., письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также в секретных документах руководителей сов. государства, 1888—1932. СПб., 1994. С. 353—356; Богданова Т. А. История архива Санкт-Петербургской духовной академии в фондах Российской национальной библиотеки // К 75-летию Дома Плеханова. 1928—2003: Сб. ст. и публ., материалы конф. СПб., 2003. С. 149—154.

² ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 858—896, 984—991.

³ Там же. Ед. хр. 22, 63, 64.

⁴ Там же. Ед. хр. 820—851, 975—980.

⁵ Там же. Ед. хр. 897—918, 952, 954, 971.

⁶ Жизненный путь (*лат.*).

⁷ Церковный вестник. 1908. № 2. С. 62.

⁸ Биогр. справку о Н. В. Смирнове см.: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биогр. слов. Т. 2. Российская Публичная библиотека — Государственная Публична библиотека в Ленинграде. 1918—1930. СПб., 1999 (далее — Сотрудники... Т. 2). С. 561—562.

⁹ Шилов Л. А. Публичная библиотека и Духовная академия: книги и люди // Публичная библиотека: люди, книги, жизнь: Сб. ст. СПб., 1998. С. 58—72.

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 911. Л. 46—48.

¹¹ Там же. Ед. хр. 903. Л. 97—98.

¹² ОР РНБ. Ф. 102. Ед. хр. 23. Л. 13.

¹³ Там же. Л. 14.

¹⁴ Мать-кормилица (*лат.*), студенты о своем университете.

¹⁵ После закрытия Петроградской духовной академии зимой 1919 г. в ее помещениях была размещена колония для малолетних правонарушителей на 300 человек. См.: Богданова Т. А. Указ. соч. С. 151; ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 917. Л. 30 об.—31.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 899. Л. 5 об.—6.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 916. Л. 125—126.

¹⁸ Там же. Ед. хр. 918. Л. 36.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 901. Л. 114а — 114а об.

²⁰ Там же. Ед. хр. 903. Л. 116а.

²¹ Там же. Ед. хр. 905. Л. 4.

²² Там же. Л. 1.

²³ Там же. Л. 5.

²⁴ Там же. Л. 12.

²⁵ Там же. Л. 30.

²⁶ Россия перед вторым пришествием: (Материалы к очерку русской эсхатологии). 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 145.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 910. Л. 94—94а.

²⁸ Там же. Ед. хр. 952. Л. 1.

²⁹ ОР РНБ. Ф. 102. Ед. хр. 292. Л. 1.

³⁰ Биогр. справку об А. И. Бриллиантове см.: Сотрудники... Т. 2. С. 130—134.

³¹ ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 903. Л. 25—31.

³² Биограф. справку о В. В. Успенском см.: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биограф. слов. Т. 1. Императорская Публичная библиотека. 1795—1917. СПб., 1995 (далее — Сотрудники... Т. 1). С. 529—530.

³³ ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 908. Л. 85—88.

³⁴ Биограф. справки о Д. П. Миртове, М. И. Саввантском, И. П. Соколове и Б. В. Титлинове см.: Сотрудники... Т. 2. С. 447—448, 546, 564—565, 584—589.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 898. Л. 152—158; Ед. хр. 906. Л. 114—115; Ед. хр. 910. Л. 89—92.

³⁶ Биограф. справки о В. Н. и Л. Ф. Бенешевичах см.: Сотрудники... Т. 2. С. 96—103.

³⁷ ОР РНБ. Ф. 253. Ед. хр. 363. Л. 1 об.

³⁸ ОР РНБ. Ф. 102. Ед. хр. 292. Л. 1.

³⁹ ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 911. Л. 81.

⁴⁰ Биограф. справку о Н. Я. Марре см.: Сотрудники ... Т. 2. С. 428—433.

⁴¹ Биограф. справку о М. М. Добраницком см.: Там же. С. 257—261.

⁴² Биограф. справку об И. Л. Будницкой см.: Там же. Т. 1. С. 105; Т. 2. С. 108.

⁴³ Арх. РНБ. Ф. 10/1. Личное дело Н. В. Смирнова. Л. 18.

⁴⁴ Там же. Л. 5, 8.

⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 912. Л. 81—82.

⁴⁶ Там же. Ед. хр. 907. Л. 79, 107, 141.

⁴⁷ Там же. Ед. хр. 916. Л. 103; Ед. хр. 911. Л. 145; Ед. хр. 905. Л. 27.

⁴⁸ Там же. Ед. хр. 911. Л. 108, 111; Ед. хр. 914. Л. 75, Ед. хр. 917. Л. 100—100 об.

⁴⁹ Там же. Ед. хр. 917. Л. 83, 85.

⁵⁰ Достопримечательности Новгородской области. Л., 1982. С. 135.

⁵¹ Порфиридов Н. Г. Новгород, 1917—1941: Воспоминания. Л., 1987. С. 3.

⁵² Там же. С. 64.

⁵³ Там же. С. 78, 80.

⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 914. Л. 58, 14, 49, 31 об., 43.

⁵⁵ Там же. Л. 27—27 об.

⁵⁶ Там же. Ед. хр. 912. Л. 63—63 об.

⁵⁷ Там же. Л. 59, 65.

⁵⁸ Там же. Ед. хр. 917. Л. 30 об.

⁵⁹ Там же. Ед. хр. 914. Л. 29; Ед. хр. 917. Л. 84.